РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Д. БАКХУРСТА[1] "СОЗНАНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ. ОТ БОЛЬШЕВИКОВ ДО ЭВАЛЬДА ИЛЬЕНКОВА"[2]

А.Ф. Грязнов

"Зачем изучать советскую философию?" – с такого вопроса начинает свою книгу Д. Бакхурст. Разумеется, вопросы такого рода не возникают у тех, кто имеет дело с британской, французской или немецкой философией. Но сомнения западных философов по поводу советской философии вполне оправданны. Суть в том, что история советской философии в постоктябрьский период дает немало свидетельств тесного взаимодействия собственно философии и политики, в том числе и подчинения философии указаниям правящей политической элиты. Утратив статус независимой теоретической дисциплины, философия была вынуждена адаптироваться к политическим и идеологическим условиям. Тем не менее даже в такой неблагоприятной ситуации советская философия имела собственную имманентную логику развития, с необходимостью направлявшую ее на реальные философские проблемы. Главной целью монографии Бакхурста как раз и является прояснение этой логики и устранение неадекватных стереотипов и предрассудков о советской философии.

В 1994 г. я бы изменил вышеупомянутый вопрос следующим образом: "Зачем изучать советскую философию после распада СССР?" и "Существует ли еще советская философия?" Дополняя автора книги, я могу положительно ответить на эти вопросы. Как показано в книге Бакхурста, советская философия в лице ее центральных фигур (Э. Ильенков и др.) ставила важные проблемы и предлагала их оригинальные решения. Что же касается "советской философии" как таковой, то она сохраняется и в постсоветской России. И я, конечно, имею в виду не конкретное учение или школу, а определенную философскую культуру с ее специфической методологией, способом мышления и философской терминологией. Кроме того, надо заметить, что в России, возможно, больше, чем во многих других странах, наблюдается стабильность и неизменность различных интеллектуальных традиций.

Я полагаю, что занятая Бакхурстом позиция "внутреннего наблюдателя", создающего "философскую этнографию" советского периода,

---

[1] Первоначально опубликована в: British Journal for the History of Philosophy. 1994. Vol. 2, № 2. P. 197–199.

[2] *Bakhurst D.* Consciousness and revolution in Soviet philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge, 1991.

полностью оправданна и резонна. Его осведомленность в тонких нюансах философских дискуссий бывшего СССР может поразить читателей этой книги. Он использует различные источники теоретической информации, часть которых неизвестна новому поколению российских историков идей. В этом отношении можно сказать, что работа Бакхурста не имеет аналогов не только в западной ("советологической") литературе, но и в современной российской литературе.

Хотя автор порой очень критичен относительно некоторых идей и теорий советских философов, его общая установка касательно их настойчивых поисков истины вполне благожелательна. Он выделяет два главных направления: 1) эмпиристское и позитивистское направление так называемых механицистов (позже – "кибернетистов" и физикалистов российского образца), опиравшихся главным образом на фактические данные естественных наук, и 2) направление российских неогегельянских марксистов (группы Деборина в 20-е, Ильенков, Ф. Михайлов и др.). Жесткая полемика представителей этих направлений была не только разновидностью политической борьбы для получения права называться подлинно ортодоксальными марксистами, но и столкновением двух принципиально различных логик философского исследования. Бакхурст пишет: "Таким образом, мне кажется, что полемика деборинцев с механицистами имела действительно важную подоплеку" (с. 45).

Многие позиции и детали дискуссий советских философов сопоставляются в этой книге с определенными событиями в англо-американской философии. Наиболее интересными представляются прежде всего бакхуртовские сравнения идей Ильенкова (а также социологической школы в психологии Выготского) с воззрениями на практику, язык и мышление позднего Витгенштейна и его последователей. Вместе с тем я должен отметить, что в целом книга перегружена такими сопоставлениями, часть которых вовсе не является необходимой (к примеру, параллель с позициями Дж. МакДауэла на с. 149, Т. Нагеля на с. 164 и С. Блэкборна на с. 178).

Очевидно, что автор симпатизирует неогегельянскому направлению гораздо больше, чем эмпиристскому. Он показывает, что в некоторых отношениях оно родственно методу концептуального анализа англо-американских философов. Что же касается другого направления современной советской философии (Д. Дубровский и др.), то оно получает несколько упрощенную интерпретацию. Кроме того, следует помнить, что среди западных аналитических философов немало тех, кто тоже развивает свои теории в тесной связи с новейшими научными достижениями (научные реалисты, когнитивисты, нейрофилософы). В то же время, выходец из англо-саксонской аналитической философии, Бакхурст подчеркивает ее абсолютное превосходство в самом методе аргументации и логике мышления над подходом ведущих советских диалектиков. В таком контексте слова автора звучат порой несколько высокомерно.

Одним из главных недостатков этой замечательной книги является полное отсутствие в ней какого-либо упоминания о русской национальной философской традиции (Вл. Соловьев, П. Флоренский и др.) дооктябрьского периода. Советская философия исследуется как движение, изолированное от его исторических корней. Утверждается, что единственным главным источником советской философии является противоречивая эпистемологическая позиция Ленина ("консервативный" и "радикальный" реализм – с. 114–115). Но даже несмотря на то что спекулятивная метафизика русского идеализма и ортодоксальная религиозная философия десятилетиями подавлялись, в советский период сохранялось их скрытое влияние на сам стиль философствования. Полноценное восстановление национальной философской традиции началось в середине 80-х, и этот процесс до сих пор определяет основные черты философской жизни в России. Кроме того, западные читатели должны знать, что дело никоим образом не обстояло так, что все плодотворные идеи советских философов выдвигались с позиции "творческого марксизма" Очень часто ссылки на марксистские принципы в работах советских философов имели формальный или ритуальный характер как результат жесткого идеологического контроля над интеллектуальной жизнью. Оригинальными и не имеющими идеологического уклона были, к примеру, в СССР фундаментальные исследования античной философии (Лосев и др.). Их теоретический уровень подчас был выше, чем в аналогичных исследованиях западных авторов.

Книга Д. Бакхурта, несомненно, может стимулировать интерес англо-американских философов к философской традиции, до сих пор остававшейся неизвестной им.